

УДК 811.111' 25 (045)

*Н.М. Шутова, И.В. Хлебников***СТИЛИСТИКА БИОГРАФИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ В АСПЕКТЕ ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ КНИГИ Б. ДЖОНСОНА «ФАКТОР ЧЕРЧИЛЛЯ. КАК ОДИН ЧЕЛОВЕК
ИЗМЕНИЛ ИСТОРИЮ»)**

В статье рассматриваются лингвостилистические характеристики биографии У. Черчилля, написанной Б. Джонсоном и изданной в Великобритании в 2014 г. [13], с точки зрения их сохранения в русском переводе, выполненном А. Галактионовым и изданном в России в 2015 г. [3]. Автор биографии убежден в том, что именно У. Черчилль сыграл важнейшую роль в победе над фашистской Германией, а также в установлении существующего порядка в Европе. В исследуемой книге У. Черчилль предстает как сильная личность, человек небывалой физической силы и храбрости в молодые годы и властный, влиятельный политик в годы зрелости. Значительное внимание уделяется журналистской и литературной деятельности У. Черчилля. Личностные характеристики героя книги Б. Джонсона доводятся до читателя через серию ярких метафор, сравнений, эпитетов, повторов и т. д. Автор не боится придать тексту биографии яркую эмоциональность и оценочность. Многие из используемых стилистических приемов требуют от переводчика особого внимания в плане допустимости сохранения применяемой образности, возможности ее использования при смене адресата. Приходится констатировать, что переводчику иногда не удается избежать буквального перевода и прямого переноса авторских приемов в текст перевода без учета особенностей принимающего языка и культуры.

Ключевые слова: биографический роман, У. Черчилль, перевод, стилистические средства, образность, культурная адаптация.

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1010-1017

Жанр биографии издавна привлекает внимание исследователей, в различные эпохи к нему предъявлялись разные требования, которые иногда даже противоречили друг другу, в результате чего вопрос о жанровых границах открыт до сих пор. Подходы к определению биографии порой абсолютно противоположны. Например, исследователь И.Я. Лосиевский указывает на невозможность выделения жанровых признаков различных явлений, объединяемых биографией [7, с. 16]. С другой стороны, существует большое количество современных социоисторических и политических исследований, возводящих биографию на вершину литературного творчества [15]. Бесспорно то, что биография существует на стыке многочисленных литературных форм и жанров. Это привело к тому, что биографией называют обширную группу различных текстов, хотя сама номинация не может являться первым и единственным критерием данного жанра [2, с. 73].

В ситуации конца XX – начала XXI вв. повторяется «жанровый пессимизм» [6, с. 154], связанный с постмодернистским восприятием действительности, пластичностью форм, новыми источниками, междисциплинарностью и методологическим разнообразием. В результате чего фокус биографии в ряде случаев значительно сместился. Например, возникло направление «история снизу» (*history from below*), описывающая жизни широких социальных слоев населения различных стран мира, и только во вторую очередь отдельных персон, что приводит к дегероизации содержания [14].

Зарубежные авторы во многом сосредоточены на отражении соотношения истории и нарратива, восстановлении той среды и окружения, в которых действовала личность, что открывает путь в сторону увековечивания героя. С другой стороны, в новом качестве поднимается проблема соотношения истины и вымысла, поскольку акцент сместился в сторону описания наиболее противоречивых, неоднозначных страниц личности и эпохи. К ставшим типичными чертам современной биографии следует отнести вариативность суждений, многоликость оценок, авторские воспоминания, перекликающиеся с воспоминаниями персонажа, переплетение авторского психологического переживания с чувствами, эмоциями героя, приводящее к утрате, потере рассказчика и вновь к стремлению увековечить образ героя. Можно отметить еще одну заметную черту современной биографии – ориентацию на поиск малоизвестных, слабо подтвержденных, латентных черт в жизнедеятельности героя, всего того, «что выпадает из общей нормы» [10, с. 17].

В то же время основным средством и неизменной чертой всех биографий остается ироническое описание, особенно типичное для британской литературной традиции, несмотря на ее изменение со

временем. Некогда Д. Мирский отмечал высокую степень развития жанра биографии в Великобритании и ее основные черты, берущие начало в «журнализме» [8, с. 75].

Многие из вышеописанных свойств и черт присущи в той или иной мере биографическому роману Б. Джонсона «Фактор Черчилля. Как один человек изменил историю». Немаловажное обстоятельство состоит в том, что биография выдающегося политика XX в. написана современным политиком. Автор романа известен во всем мире благодаря своим эпатажным поступкам, однако в роли писателя Б. Джонсон весьма точен, опирается исключительно на факты, он подчеркнуто уважителен по отношению к своему герою, осознавая масштаб личности У. Черчилля. С другой стороны, автор сохраняет собственный весьма эмоциональный и критический стиль изложения, традиционно сопровождаемый иронией, которая необходима для выражения собственного отношения к описываемым событиям и их участникам. При написании своего произведения автор придерживается герменевтического подхода, который, по определению Дж. Леви, подчеркивает роль диалога, коммуникации, трансформирует биографическое действие в текст, требующий толкования, а также предполагает отказ от однозначных оценок человеческих судеб, проповедуя более широкий взгляд на биографический материал [5, с. 192-198].

Если рассматривать главного персонажа произведения Б. Джонсона в ракурсе постмодернизма, то он интересен благодаря своей изменчивости, непоследовательности, вариативности поступков, которые автор интерпретирует, в основном, в его пользу. Сконструировать нужный образ У. Черчилля, проследить становление личности героя помогает богатая авторская стилистика, она позволяет ему создать живой и понятный образ. Б. Джонсон предлагает читателю, пусть и линейное, поэтапное, но объемное описание известного политика в сочетании всех его пороков и достоинств. Он пытается также написать целостную картину того противоречивого, изменчивого времени, к которому принадлежал его герой, и, что более важно, в которое он сам творил историю.

Несмотря на то, что роман в целом может быть определен как постмодернистский, в нем присутствует достаточное количество традиционных черт, к ним относятся: последовательное изложение, документальность, стремление к объективности, оценочность. Роман индивидуализированный и атмосферный, при том что автор сохраняет общую приверженность традиции почитания героев, заложенную еще Т. Карлейлем [4].

Во введении к биографии Б. Джонсон предупреждает своего читателя о том, что он не является профессиональным историком и не претендует на какие-то исключительные полномочия в описании фигуры Черчилля и не может даже сравнивать себя с автором однотомной биографии У. Черчилля – Роем Дженкинсом: *“I am not a professional historian, and as a politician I am not worthy to loose the latchet of his shoes, or even the shoes of Roy Jenkins, who did a superb one-volume biography.* Фразеологическая единица *“to be not worthy to loose the latchet of one’s shoes”* дословно переводится «быть недостойным расстегнуть ремешок на башмаке кого-л.», переводчик несколько изменяет образ: *«Я не профессиональный историк, а как политик я не достоин развязывать шнурки на ботинках Черчилля или даже на ботинках Роя Дженкинса, написавшего великолепную однотомную биографию премьер-министра».* Думается, что можно было использовать в переводе более привычные для русского читателя образы, например «я и мизинца его не стою», «в подметки ему не гожусь».

В тексте биографии просматриваются, однако, некоторые субъективистские черты, особенно в тех ее частях, в которых рассказчик помещает себя на страницы романа, делясь с читателем ощущениями и свидетельствами некоторых событий, например: *“Aha, I am thinking, as I stand at last in Winston Churchill’s study. So this is how he did it.”* – «Ага, думаю я, когда наконец-то стою в кабинете Уинстона Черчилля. Вот как он делал это».

Автор довольно часто апеллирует к своему читателю, призывая его активно воспринимать написанное: 1) *“Let us leave our hero there for a second or two....”* – «Но давайте оставим на одну-две секунды нашего героя»; 2) *“Let us look back at the risks he had already run”* – «Давайте оглянемся на те риски, которым он уже подвергался»; 3) *“Compare another mode of transport that is sometimes – irrationally – dangerous – such as cycling in London... .”* – «Сравните с другим способом передвижения – на велосипеде по Лондону, – который несколько иррационально считается рискованным». Эта ремарка автора представляет особый интерес, так как Борис Джонсон известен своей страстью к велосипедам и тем, что часто ездит на работу именно на велосипеде. Частая апелляция к читателю выполняет функцию привлечения его внимания, тем самым реализуется модель диалога, характерная для постмодернистского дискурса, в которой читатель является независимым реципиентом художественного текста, свободно продуцирующим собственные интерпретации и смыслы [9, с. 86].

Рассмотрим более подробно конкретные стилистические средства, к которым прибегает Б. Джонсон при описании становления личности Черчилля, и то, как они переданы при переводе. Ранее мы отметили, что перевод выполнен Артемом Галактионовым. К сожалению, о нем практически ничего не известно, в 2007 г. он выполнил перевод еще одной книги Б. Джонсона – «С мечтой о Риме». Следует обратить внимание на то, что его переводы нравятся российским читателям, 86 % из которых, без учета каких-либо критериев, по статистике, представленной *Google*, высоко оценили обе книги [16].

Повествование Джонсона очень метафорично и эмоционально окрашено, автор использует большое количество метафор, сравнений, эпитетов. Приведем пример использования метафоры, подчеркивающей монументальность личности Черчилля в его собственном восприятии: *“He thinks of himself as a gigantic keystone in the arch, with all the lesser stones logically induced to support his position.”* Чаще всего при переводе существует возможность сохранения образа, использованного автором. Приведем перевод А. Галактионова: *«Себя он видит гигантским замковым камнем арочного свода, и меньшие камни должны поддерживать его позицию».*

Размышления Джонсона о роли Черчилля в победе над фашизмом, в которых он призывает и своего читателя подумать о масштабе этого вклада, приобретают форму развернутой метафоры:

“I don’t know whether it is right to think of history as running on train tracks, but let us think of Hitler’s story as one of those huge and unstoppable double-decker expresses that he had commissioned, howling through the night with its cargo of German settlers. Think of that locomotive, whizzing towards final victory. Then think of some kid climbing the parapet of the railway bridge and dropping the crowbar that jams the points and sends the whole enterprise for a gigantic burton – a mangled, hissing heap of metal. Winston Churchill was the crowbar of destiny. If he hadn’t been where he was, and put up resistance, that Nazi train would have carried right on. It was something of a miracle – given his previous career – that he was there at all.”

В целом, образность описания сохранена в переводе:

«Я не знаю, уместно ли сравнивать историю с поездом, мчащимся по железнодорожным путям, но давайте уподобим гитлеровский период одному из тех гигантских и стремительных двухэтажных экспрессов, которые по плану фюрера должны были перевозить немецких поселенцев. Локомотив несется со свистом, рассекает ночь. Он спешит к окончательной победе. И вдруг кто-то забирается на парапет железнодорожного перехода и роняет лом, который заклинивает стрелку. И вся махина терпит жуткое крушение, превращается в искореженную и шипящую грудку металла. Уинстон Черчилль был именно тем ломом судьбы. Нацистский поезд мчался бы дальше, если бы Черчилль не был на своем месте и не оказывал сопротивление. Поразительно, если учесть его предыдущую карьеру, что он вообще там оказался».

Несколько снижают экспрессивность оригинала фразы «гитлеровский период» (точнее было бы – «гитлеровское нападение»), «роняет лом» (точнее – «бросает лом» или «швыряет лом»), и сам Черчилль был скорее «судьбоносным ломом», а не «ломом судьбы».

Проблемы адекватной передачи метафоры обычно бывают сопряжены с трудностями подбора контекстуального соответствия, для переводчика существует опасность «пойти на поводу» у автора и «позаимствовать» какое-то иноязычное слово. Приведем пример не совсем удачного, буквального перевода глагольной метафоры: *“His speeches galvanised the nation.”* – *«Его речи гальванизировали нацию».* Думается, что в данном случае более уместным будет перевод *«Его речи заряжали нацию».*

Буквальным является и перевод следующего предложения: *“...his diction was slurred and he lacked his former oratorical fire.”* – *«...его дикция стала неразборчивой, и в нем более не пылает ораторский огонь...».* Можно также предложить более адекватный, на наш взгляд, перевод: *«Его дикция стала неразборчивой, и ему не хватало прежнего ораторского запала...».*

Метафоры активно используются в главах, повествующих о военной карьере Черчилля, в описаниях его участия в боевых действиях. Здесь Джонсон даже позволяет себе иронию по отношению к своему герою: *When we look at the prodigious bravery of his early military career, we are driven to the conclusion that he actively courted danger. It is as though he hungered – like Achilles or some Arthurian knight – for the prestige that goes not just with being in the thick of battle, but above all for being seen in the thick of battle.”* – *«Когда мы размышляем о непомерной храбрости в начале его военной карьеры,*

мы можем прийти к заключению, что он **нарочито навлекал на себя опасность**. Подобно Ахиллесу или рыцарю короля Артура, он **жаждал не только оказаться в гуще битвы, но, прежде всего, быть увиденным в этой гуще**. Сочетание «нарочито навлекал на себя опасность» лишено той экспрессивности, которой обладает фраза *courted danger*, возможны варианты: «играл со смертью», «специально лез под пули».

Особенно интересен пример, в котором метафора, характеризующая Черчилля, сочетается со сравнением: *“The spirit of derring-do just pumped through his veins, like some higher-octane fuel than the one the rest of us run on.”* “Derring-do” означает “action displaying heroic courage” – «проявление героической храбрости». А. Галактионов подбирает не совсем удачное русское соответствие – «удаль», оно обладает слишком «русской» коннотацией, которая никак не вяжется с образом Черчилля: **«Удаль была у него в крови, струилась по венам, подобно топливу с более высоким, чем у остальных людей, октановым числом»**. Снова осмелимся предложить свой перевод: **«Отчаянная храбрость текла по его венам, как топливо с более высоким, чем обычно, октановым числом»**.

Описывая возвращение У. Черчилля в стан консерваторов (это произошло в 1925 году), Джонсон снова использует метафору: *“He leaps back on a new Tory steed.”* Трудно согласиться с предлагаемым переводом: **«Он перепрыгнул обратно на нового жеребца тори»** т. к. он противоречит нормам и образности русского языка. Кроме того, английское существительное *steed* имеет значение «боевой конь». Когда речь идет об удавшемся предприятии, подобном политическому ходу Черчилля, русский человек скорее скажет: **«Он вернулся и оседлал нового коня в партии тори»**.

Иногда переводчик, к сожалению, совсем отказывается от передачи авторской образности, т.е. в переводе нет, например, соответствия для следующего высказывания: *“The country would not have been a haven of resistance.”* Хотя в данном случае сохранение образа вполне возможно: **«Страна не стала бы пристанищем сопротивления»**.

Отмеченные стилистические потери можно объяснить некоторой поспешностью в принятии переводческих решений, так как во многих случаях переводчику удается сохранить образность оригинала без нарушения норм языка перевода. Приведем пример удачной передачи авторской метафоры: *“In what smithies did they forge that razor mind and iron will?”* – **«В каких кузницах были выкованы его острый ум и железная воля?»**.

Удачной, на наш взгляд, является и передача метафоры в следующем предложении (переводчик заменяет ее на сравнение): *“At several moments he was the beaver who dammed the flow of events; and never did he affect the course of history more profoundly than in 1940.”* – **«Подобно бобру, который перегораживает плотиной реку, Черчилль несколько раз вставал на пути потока истории и изменял ее течение – наиболее сильно в 1940 году»**.

Используемые автором сравнения очень часто придают особую яркость каким-то событиям или описаниям внутреннего состояния героев, они всегда отражают привычки и пристрастия самого повествователя, даже его национальную принадлежность. В стилистике хорошо известна тесная взаимосвязь между сравнением и метафорой, сравнение очень часто определяют как скрытую метафору [1, с. 82]. Не случайно в процессе перевода эти стилистические приемы обычно являются взаимозаменяемыми, что наглядно иллюстрируют переводы, предлагаемые А. Галактионовым: *“the ill-will that formed above them like a vapour”* – **«он явственно ощущал испарения недоброжелательности, клубившиеся над ними»**; *“he looked as though the dimmest, faintest bell was clanking at the back of his memory”* – **«Похоже, что-то смутное, еле различимое забрезжило во мраке его памяти»**.

Повествование Б. Джонсона ярко окрашено и большим количеством эпитетов, отражающих индивидуальный художественный вкус писателя, его видение описываемых героев и ситуаций: *titanic egotism* – «гигантская самовлюбленность», *gigantic victory* – «сокрушительная победа», *blissful condescension* – «блаженная снисходительность», *finger-wagging biography* – «замечательная биография», *hellish brave* – «дьявольски храбр», *unique understanding* – «исключительное понимание», *impudent attacks* – «дерзкие нападки», *supernaturally gifted* – «сверхъестественно одарен» и др.

Особый интерес представляют фразовые эпитеты, как известно, русский язык не позволяет создавать подобные многочленные атрибутивные словосочетания, что неизбежно приводит к стилистическим потерям при переводе: *“he was a glory-chasing goal-mouth-hanging opportunist”* – **«он гнался за славой и вел себя как оппортунист»**; *“the high-collared, stiff-necked and toothbrush-moustached”* – **«чопорный Невилл Чемберлен, как обычно со стоячим воротником и щеточкой усов»**; *gooseberry-eyed and walrus-moustached demagogue* – **«демагог с глазами цвета крыжовника и усами как у моржа»**.

Эмоциональность авторской речи иногда проявляется в использовании сленга, однако переводчик не всегда подбирает на русском языке лексику соответствующего регистра. Приведем ряд примеров неудачного перевода: *“he had been too wishy-washy with the strikers”* – «он был чересчур **мягкок** с бастующими». Сленговое выражение *wishy-washy* означает «слабый, хилый, немощный». Однако в русском языке тоже есть более разговорный речевой оборот, который позволяет сохранить авторскую экспрессию: «Он вел себя с бастующими **как настоящий слабак**».

В другом эпизоде книги автор описывает отношение консерваторов к некому сэру Стаффорду Норткоту, которого они называли «козлом». Бедный Норткот написал письмо одному из этих обидчиков, умоляя его прекратить оскорбления, не быть тем, кого называют *tosser*. Данное слово тоже относится к сленгу и является оскорбительным, особенно для мужчины: *“Randolph and chums called him ‘the goat’, and after a while the goat could take it no more, and wrote to Randolph, begging him not to be such a tosser.”* Соответствие, избранное переводчиком, передает общий смысл высказывания, но не является вульгаризмом, т.е. словом стилистически адекватным оригинальному сленгизму: «Рандольф и его приятели называли последнего «козлом», и через некоторое время «козел» был более не в силах терпеть и написал Рандольфу письмо, где умолял не быть таким **пакостником**».

Использование сленга в повествовании Б. Джонсона достаточно гармонично и стилистически оправдано. Среди основных авторских интенций использования сленга можно назвать стремление к детализации и достоверности, ироничности, полноте общей картины повествования. Например, в воспоминания о риторическом таланте отца Уинстона Черчилля – Рэндольфа Черчилля естественным образом вплетается выражение *“Give it to ‘em hot, Randy!”* – «**Задай им жару, Ранди!**». Обращаясь к дневникам лорда Галифакса, в которых тот вспоминал вхождение У. Черчилля в политику, автор заимствует его красноречивую характеристику *frightful rot* – «ужасный вздор», используемую по отношению к речи и позиции Черчилля.

В своей книге Джонсон приводит также примеры довольно грубого юмора У. Черчилля, вспоминая, например, рассказы о том, как однажды Лорд-хранитель печати пришел к Черчиллю, когда тот был в туалете: *“Churchill is on the lavatory, and informed that the Lord Privy Seal wants to see him, and he says that he is sealed in the privy.”* Черчилль умело построил каламбур на этой «натуралистической» ситуации. А. Галактионов вполне адекватно передает каламбур: «**Скажите Лорду-хранителю печати, которому я нужен, что я запечатан в своем нужнике**». Однако по непонятной причине переводчик включает в русский текст и английский вариант.

Различные стилистические приемы активно употребляются Борисом Джонсоном в описании взаимоотношений политиков, отношения к ним со стороны оппонентов и т.д. В качестве примера можно привести использование антитезы *“We have seen how they cheered for Chamberlain, and only murmured for Churchill when he entered the Commons for the first time as PM.”* Глагол *to cheer* означает «приветствовать, подбадривать», глагол *to murmur* имеет значение «роптать», «ворчать». Нужно признать, что в данном случае антитеза передана переводчиком весьма удачно, хотя не используются непосредственные соответствия для английских глаголов, антитеза в русском языке строится на противопоставлении глагольных фраз «бурно приветствовали» и «сдержанно приняли»: «**Мы помним, как бурно члены палаты общин приветствовали Чемберлена и насколько сдержанно приняли первое появление Черчилля в ранге премьер-министра**».

Говоря о победе над Гитлером, Б. Джонсон использует метонимическую номинацию: *“These days we dimly believe that the Second World War was won with Russian blood and American money; and though that is in some ways true, it is also true that, without Churchill, Hitler would almost certainly have won.”* – «**Расхожее мнение наших дней состоит в том, что Вторая мировая война была выиграна русской кровью и на американские деньги. И хотя это отчасти верно, верно и то, что без Черчилля Гитлер наверняка бы победил**».

Яркой стилистической особенностью повествования Б. Джонсона является широкое использование фразеологии. В канве художественного произведения она всегда имеет национальную окраску, и переводчику приходится быть особенно осторожным в плане сохранения используемой образности или применения ее адаптации к принимающей культуре. Если некоторые фразеологические единицы имеют эквиваленты в русском языке, основанные на тех же образах, например, *“how far the apple had fallen from the tree”* – «**насколько далеко яблоко упало от яблони**», *“mud has a way of sticking”* – «**у грязи есть обыкновение прилипнуть**», то образность других требует от переводчика индивидуального подхода. А. Галактионов все-таки склонен калькировать встречающиеся фразеологические единицы:

“He is their biggest cheese, their prize possession” – «Для тори он их **ценнейшая головка сыра**, источник гордости».

Идиома *a big cheese* является сугубо английской, это выражение обычно используется для обозначения важного, влиятельного человека. Есть разные версии ее происхождения. Британская версия отсылает нас к знаменитому словарю англо-индийских выражений востоковеда Генри Юля и Артура Бернелля. Словарь вышел в свет в 1886 году. Он содержал различные выражения и слова, состоящие главным образом из смеси английского и хинди, а также еще нескольких десятков языков. Одним из таких слов было слово *chiz*, означавшее «вещь» и использовавшееся для обозначения чего-то гениального или позитивного. В то же время в Лондоне было распространено выражение *real thing*, которое использовали для положительной характеристики человека. В течение нескольких месяцев после выхода словаря эти два выражения соединились в *a real chiz*, а затем и в более близкий британцам *the real cheese*, а уже в XX в. выражение преобразовалось в *a big cheese*. У американцев есть другая версия происхождения этой идиомы. Они считают, что выражение появилось после того, как в 1808 г. президенту Томасу Джефферсону презентовали гигантскую головку сыра [17]. Хотя в таких случаях переводчик может воспользоваться сноской, думается, что здесь более уместна культурная адаптация, использование более привычного для русских читателей образа. Можно предложить такой вариант перевода: «Он был для них **большой шишкой**, ценным приобретением».

К важным стилистическим средствам в романе Б. Джонсона можно отнести риторические вопросы, которые обладают широким спектром выразительных возможностей. Этот прием позволяет автору придать дополнительную эмоциональную окраску своему повествованию, сфокусировать внимание читателя на каком-либо аспекте, и более того, выстроить коммуникативные отношения между автором, по-своему относящимся к описываемым событиям, и читателем, тоже по-своему реагирующим на события, описываемые в тексте. Риторические вопросы позволяют привлечь внимание читателя к тому, как, например, относились к Черчиллю другие литераторы и политики, подчеркнуть его личные качества или поставить под вопрос его причастность к каким-то событиям. Приведем ряд таких вопросов и их переводов, сделанных А. Галактионовым: *“Why did Evelyn Waugh sneer at Churchill’s writings?”* – «Почему Ивлин Во насмехался над произведениями Черчилля?»; *“What wound his spring so tight?”* – «Отчего его пружина была на таком взводе?»; *“How many men did he kill, with his own hand? A dozen?”* – «Сколько человек он собственноручно убил? Дюжину?»; *“Would they have treated with Hitler, as the Foreign Secretary was proposing?”* – «Вели бы они переговоры с Гитлером, как предлагал министр иностранных дел?».

Расставить акценты в своем повествовании Б. Джонсону помогают также лексические повторы, параллельные конструкции, они являются эффективными средствами повышения экспрессии, часто реализующими одновременно эмоциональную, оценочную, фоновую и символическую функции [16]. Можно привести пример одновременной эмоциональной оценки состояния политической ситуации и действующих в ней лиц: *“He was wrong...Halifax was wrong...were wrong...wrong today”* – «Конечно, и он, и Галифакс, и умиротворители были неправы». К сожалению, в переводе утрачена присущая оригиналу ритмичность и выразительность. Можно предложить такой вариант: «Конечно, он был неправ... Галифакс был неправ... все были неправы...неправы и сегодня».

Подводя итог, необходимо вспомнить слова великого Л.В. Щербы относительно того, что «всякое неуместное со стилистической точки зрения употребление слова разрушает стилистическую структуру языка...» [12, с. 139]. Проведенный нами лингвостилистический анализ произведения Б. Джонсона свидетельствует о том, что стилистическая структура его книги является достаточно сложной, многоаспектной, но точно выверенной, она отражает не только многогранную и без сомнения выдающуюся личность главного героя повествования, но и личность самого повествователя. Перед нами яркое, образное, однако опирающееся на исторические факты, повествование. У автора книги есть свой узнаваемый стиль, который проявляется в метафоричности мышления, легкой иронии по отношению к своему герою, умении придать описанию комический оттенок. Вопрос о возможности достижения стилистической адекватности перевода литературного произведения оригиналу всегда являлся одним из основных вопросов художественного перевода. Переводчик, как правило, идентифицирует используемые стилистические приемы, но не всегда располагает необходимыми средствами в языке перевода, позволяющими добиться равноценной экспрессивности. С другой стороны, стремясь сохранить, прежде всего, смысловой инвариант оригинала, переводчик иногда просто позволяет себе пренебречь некоторыми компонентами авторской стилистики. К сожалению, А. Галактионов не является в этом плане исключением.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. М.: Просвещение, 1981. 259 с.
2. Бондаренко Ю.Б. К вопросу о связи между речевым жанром и его номинацией (на примере жанра биографии) // Сборники конференций НИЦ Социосфера № 16. 2017. С.73-76.
3. Джонсон Б. Фактор Черчилля. Как один человек изменил историю. Переводчик: Галактионов А. Издательство: КоЛибри, 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib-king.ru/270267-faktor-cherchillya-kak-odin-chelovek-izmenil-istoriyu.html>
4. Карлейл Т. Герои и героическое в истории. Публичные беседы. Перевод съ английскаго В.И. Яковенко. 1898. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russianlutheran.org/gymnasium/history/carlyle_ru.html
5. Леви Дж. Биография и история // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 192-198.
6. Лейдерман Н.Л. Проблема жанра в модернизме и авангарде (Испытание жанра или испытание жанром?) // *Studi Slavistici*. V. 2008. С. 147-177.
7. Лосиевский И.Я. Научная биография писателя: проблемы интерпретации и типологии. Харьков: Крок, 1998. С. 16.
8. Мирский Д. Искусство биографии (Литтон Стречи) // Мирский Д. О литературе и искусстве. Статьи и рецензии 1922–1937. М.: НЛЮ, 2014. 616 с.
9. Моташкова С.В. Диалог автора и читателя в постмодернистском лингвоэстетическом дискурсе // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 2. С. 85-89.
10. Ревель Ж. Биография как историографическая проблема. М., 2002. 57 с.
11. Урбаева А.П. Многообразие видов повтора в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 2007. 16 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.russianlutheran.org/gymnasium/History/carlyle_ru.html
12. Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. Учпедгиз, М., 1957. С.139.
13. Johnson B. The Churchill Factor: How One Man Made History. Published by the Penguin Group (USA), New York, 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://royallib.com/read/Johnson_Boris/the_churchill_factor_how_one_man_made_history.html#20480
14. Law R. Individualising the Atlantic slave trade: The biography of Mahommah Gardo Baquaqua of Djougou (1854) // *Transactions of the Royal historical society*. Cambridge, 2002. P. 113-140; Parramore Th. Muslim slave aristocrats in North Carolina // *North Carolina hist. rev.* Raleigh, 2000. Vol. 77. P. 127-150; Sensbach J. Rebecca's revival: Creating black christianity in the Atlantic world. Cambridge: Harvard univ. press, 2005. 302 p.
15. The turn to biographical methods on social science: Comparative issue and examples. L.: Routledge, 2000. 346 p. URL: <https://www.litres.ru/boris-dzhonson/faktor-cherchillya-kak-odin-chelovek-izmenil-istoriu/otzivi/>
17. URL: <https://crownenglishclub.ru/uprazhneniya/anglijskie-idiomy- klyuchayushhie-sedobnye-slova-idioms-about-edibles-s-perevodom-i-ozvuchivaniem.html>

Поступила в редакцию 01.05.2021

Шутова Нелла Максимовна, кандидат филологических наук, доцент Института языка и литературы
E-mail: Nella_Shutova@mail.ru

Хлебников И. В., магистрант 2 курса Института языка и литературы
E-mail: khlebnikov8@gmail.com

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1 (корп. 2)

N.M. Shutova, I.V. Khlebnikov

**STYLISTIC PECULIARITIES OF A BIOGRAPHICAL NOVEL AS A PROBLEM OF TRANSLATION
(BASED ON THE NOVEL BY B. JOHNSON “THE CHURCHILL FACTOR:
HOW ONE MAN MADE HISTORY”)**

DOI: 10.35634/2412-9534-2021-31-5-1010-1017

The paper is concerned with stylistic peculiarities of W. Churchill's biography written by B. Johnson and published in the USA in 2014 [1] in terms of their preservation in the Russian translation made by A. Galaktionov in 2015 [2]. The author of the biography is convinced that it was W. Churchill who played a crucial role in the victory over fascist Germany and arranging the after war Europe. Churchill is presented as a very strong personality – exceptionally strong and brave in his young days and domineering and very influential in the years of manhood. Much attention is given to Churchill's journalistic and literary activities. The main character of the book is described through a great number of vivid metaphors, similes, epithets, repetitions, etc. The author is not afraid to make his narration emotional and evaluative. Many of the stylistic de-

vices call for the translator's special attention, it is necessary to consider the appropriateness of preserving the imagery in view of another addressee. Unfortunately, the translator often resorts to literal translation and introduces the devices used by the author into the Russian text ignoring the peculiarities of the receiving language and culture.

Keywords: biographical novel, W. Churchill, translation, stylistic devices, imagery, cultural adaptation.

REFERENCES

1. Arnol'd I.V. Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka [Modern English Stylistics] M.: Prosveshcheniye, 1981. 259 p. (In Russian).
2. Bondarenko Yu.B. K voprosu o svyazi mezhdu rechevym zhanrom i yego nominatsiyei (na primere zhanra biografii) [On the issue of connection between a speech genre and its nomination] // Sborniki konferentsiy NITS Sotsiosfera [Proceedings of the conferences published by the NITS Sotsiosfera], №16. 2017. P.73-76. (In Russian).
3. Dzhonson B. Faktor Cherkillya. Kak odin chelovek izmenil istoriyu. [The Churchill Factor: How One Man Made History]. Translator A. Galaktionov. Izdatel'stvo: KoLibri, 2015. URL: <https://lib-king.ru/270267-faktor-cherchillya-kak-odin-chelovek-izmenil-istoriyu.html>(In Russian).
4. Karleil T. Geroi i geroicheskoye v istorii [Heroes and heroic in history]. Publichnye besedy [Public speeches]. Translated from English by V.I. Yakovenko. 1898. URL: http://www.russianlutheran.org/gymnasium/history/carlyle_ru.html (In Russian).
5. Levi Dzh. Biografiya i istoriya // Sovremennyye metody prepodavaniya noveishei istorii]. Modern methodology in teaching recent history. M., 1996. P. 192–198. (In Russian).
6. Leiderman N.L. Problema zhanra v modernizme i avangarde [The problem of genre in modernism and vanguard] (Ispytaniye zhanra ili ispytaniye zhanrom?) [Testing a genre or being tested by the genre?] Studi Slavistici.V. 2008. P. 147-177. (In Russian).
7. Losiyevskiy I.Ya. Nauchnaya biografiya pisatelya: problema interpretatsii i tipologii. [A writer's biography: the problem of interpretation and tipologi]. Kharkov: Krok, 1998. P.16. (In Russian).
8. Mirskiy D. Iskusstvo biografii (Lytton Streachy) [The art of Biography (Lytton Strachey)] // Mirskiy D.O. O literatury i iskusstve [On Literature and Art]. Stat'i i retsenzii [Articles and reviews] 1922-1937. M.: NLO, 2014. 616 p. (In Russian).
9. Motashkova S.V. Dialog avtora i chitatelya v postmodernistskom lingvoesteticheskom diskurse [Dialogue between the author and the reader in postmodern lingual esthetic discourse] // Vestnik VGU. Seriya: lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya [Linguistics and cross-cultural communication], 2013. № 2. P. 85-89. (In Russian).
10. Revel Zh. Biografiya kak istoriograficheskaya problema [Biography as a historiographic problem. M., 2002. 57 p. (In Russian).
11. Urbayeva A.P. Mnogoobraziye vidov povtora v sovremennom nemetskom yazyke: avtoref. dis. kand. filol. nauk. M. 2007. 16 p. URL: http://www.russianlutheran.org/gymnasium/history/carlyle_ru.html (In Russian).
12. Shcherba L.V. Izbrannyye raboty po russkomu yazyku [Selected works on the Russian language]. Uchpedgiz, M., 1957. P. 139. (In Russian).
13. Johnson B. The Churchill Factor: How One Man Made History. Published by the Penguin Group (USA), New York, 2014. URL: https://royallib.com/read/Johnson_Boris/the_churchill_factor_how_one_man_made_history.html#20480 (In English).
14. Law R. Individualising the Atlantic slave trade: The biography of Mahommah Gardo Baquaqua of Djougou (1854) // Transactions of the Royal historical society. Cambridge, 2002. P. 113-140; Parramore Th. Muslim slave aristocrats in North Carolina // North Carolina hist. rev. Raleigh, 2000. Vol. 77. P. 127-150; Sensbach J. Rebecca's revival: Creating black christianity in the Atlantic world. Cambridge: Harvard univ. press, 2005. 302 p. (In English).
15. The turn to biographical methods on social science: Comparative issue and examples. L.: Routledge, 2000. 346 p. (In English).
16. URL: <https://www.litres.ru/boris-dzhonson/faktor-cherchillya-kak-odin-chelovek-izmenil-istoriu/otzivi/> (In English).
17. URL: <https://crownenglishclub.ru/uprazhneniya/anglijskie-idiomy-vklyuchayushhie-sedobnye-slova-idioms-about-edibles-s-perevodom-i-ozvuchivaniem.html> (In English).

Received 01.05.2021

Shutova N.M., Candidate of Philology, Associate Professor (Institute of Language and Literature)

E-mail: Nella_Shutova@mail.ru

Khlebnikov I.V., Master degree student (Institute of Language and Literature)

E-mail: khlebnikov8@gmail.com

Udmurt State University

Universitetskaya st., 1/2, Izhevsk, Russia, 426034